

Не допустить «перестройки» символов

Сергей КАРА-МУРЗА,
политолог,
публицист (Россия)

СОЮЗНЫЙ ВЕКТОР

Война со стороны Германии («и примкнувших к ней стран Европы») была, прежде всего, цивилизационной («Запад против варварства»). А со стороны СССР – прежде всего Отечественной («не смеют крылья черные над Родиной летать»), а потом и цивилизационной («отребью человечества сколотим крепкий гроб»). Соответственно, источниками силы в этой войне были и накопленные исторически цивилизационные ресурсы, и новые, созданные уже в XX веке, структуры СССР как «социалистического Отечества».

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ
ОСНОВЫ ПОБЕДЫ

Разделить упомянутые источники силы трудно. Новые, уже советские структуры и институты (школа, армия, наука, тип межнационального общежития, общественные отношения по вертикали и по горизонтали) обновили и резко усилили фундаментальные свойства культуры, которые отбирались и совершенствовались веками. Мы мало задумывались над тем фактом, что приняли войну на стадии общего, массового духовного подъема и оптимизма. Этот подъем (выраженный, например, в классической литературе и музыке) сделал возможной революцию, а она расчистила дорогу для следующего рывка (для школы, науки, управления).

Сейчас наша культура как «победитель в Отечественной войне» – на ветви спада и «пересборки». Она переживает кризис, вызванный сменой цивилизационной матрицы в 60–80-е годы (переход от крестьянской цивилизации к индустриальной, от деревни к городу). Это – трудный и болезненный период в любой культуре, он был эффективно использован против-

ником в холодной войне (тоже цивилизационной).

Что касается Великой Победы, то «информационно-психологические полицаи» перешли от ее огульного охаивания и фальсификации к мягкой тактике ее принижения и даже «приватизации». Проблематика войны и Победы деформируется, память о ней представляется как дань благодарности старикам-ветеранам и «общечеловеческая» скорбь о погибших. Вместо размышлений о природе этой особой войны и тех формах социальной организации, в которых советский народ смог мобилизоваться для победы, эфир заполняют потоком выступлений ветеранов, в которых эти главные вопросы обойдены и подменены бытовыми воспоминаниями. В большинстве их акцент делается на тяготах войны с общим рефреном «Будь ты проклята, война». Какая же война «будь проклята»? Отечественная, священная. То, что в момент тяжелого кризиса всему обществу требуется как материал для самопознания и раздумий, выхолощено из пространства памяти о Победе.

Отечественную войну вел СССР, который практически всеми народами воспринимался именно как отечество (небольшие меньшинства ряда народов имели другое мнение, но общей картины это не меняет). Но СССР был в то же время формой существования исторической России, то есть весь он воспринимался русскими как «родная земля». В этом смысле русское и советское слились, и общность диссидентов в этой целостности была небольшой, хотя ее наличие – важный факт, который надо учитывать. Даже небольшие «дремлющие» общности в новых условиях могут размножаться.

Во время перестройки любили писать, что у советского народа вообще произошло «генетическое вырождение». «Совок» есть «человек биологический», он не поднимается даже до уровня «социального» существа, а о «человеке нравственном» и речи быть не может. Этой теорией сто-

65 1945
65 2010

лет назад были увлечены американские социал-дарвинисты, потом она расцвела у нацистов, а при Горбачеве и до России докатилась. Впрочем, она и сейчас на Западе в ходу, как показала акция по «сатанизации» сербов и иранцев. Раз нет у них в «генах» пары-другой «общечеловеческих ценностей» – значит, они не вполне люди. В России эта концепция стала теоретическим оправданием самой тупой русофобии: «Как же можно называть русских людьми, если они любили Сталина!»

Чем же отличался советский человек от русского? Упрощая, примем, что советский человек отличался от русского человека начала века тем, что прошел школу (а многие и вуз), основанную на научной картине мира, был уже человеком индустриального быта и в массе своей жил в городе. Таким образом, в мышлении советского человека уже в значительной степени была ослаблена роль традиций и религиозных догм. В то же время старые сословные отношения были уже разрушены, так что утратились механизмы внутрисословного общения и утверждения мнений. От среднего человека Запада советский человек отличался тем, что сохранил общинное крестьянское мироощущение (отношение к человеку, обществу, государству и т.д.). Следовательно, он не был еще достаточно индивидуализирован, чтобы вливаться в гражданское

общество с его партиями, профсоюзами и другими ассоциациями, в которых бы выработывалось и утверждалось социальное (классовое) самосознание. Общинные качества советского человека в определенных условиях, когда сила государства опиралась на согласие граждан, придавали обществу необычную силу и устойчивость. Это очень хорошо показала война. Но в других условиях – когда возникали сомнения, а то и несогласие с властью – неспособность противостоять манипуляции оказывалась почти необъяснимой.

Культурное ядро российского суперэтноса и объединившихся вокруг него народов было основано на соединении рациональности (ума) и единой всеохватывающей этики (сердца), которое наблюдается у традиционного общества, обладающего, как говорил философ и богослов Романо Гвардини, естественным религиозным органом – способностью видеть священный смысл в том, что современному человеку кажется обыденным, профанным, технологическим (речь не идет об исповедании религии, и нередко у атеистов этот религиозный орган развит сильнее, чем у формально верующих). Вследствие этого огромное значение здесь приобретает авторитет, не подвергаемый проверке рациональными аргументами. Население СССР испытывало влияние авторитета священных для человека традиционного общества символов и институтов – Родины, Государства, Армии.

Поскольку советское государство было идеократическим, его легитимация и поддержание гегемонии опирались именно на авторитет символов и священных идей, а не на спектакль индивидуального голосования (политический рынок). Многочисленные высказывания и демократов, и патриотов о том, будто советский строй сузил мир символов до «классовых ценностей», носят чисто идеологический характер. Насколько нелепы эти утверждения, видно уже из того, что СССР был единственной страной европейской культуры, где была проведена государственная кампания по введению в систему воспитания и, значит, в массовое сознание, народных сказок и классической литературы. Великая Отечественная война, создавшая огромный пантеон символов, вовсе не втискивалась в рамки классовой борьбы.

ОБ АВТОРЕ

КАРА-МУРЗА Сергей Георгиевич.

Родился в 1939 году в Москве. Окончил химфак МГУ. В 1961–1968 годах – аспирант и сотрудник Института химии природных соединений, Института органической химии АН СССР. С 1968 по 1990 год прошел путь от сотрудника, руководителя отдела до заместителя директора Института истории естествознания и техники АН СССР.

Доктор химических наук (1983), профессор (1988). В 1989–1990 годах работал пригласенным профессором университета Сарагосы (Испания). В 1990–2000 годах – главный научный сотрудник, начальник сектора устойчивого развития аналитического центра Министерства науки и промышленности РФ (ранее АН СССР и РАН). Главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. Член Экспертного совета «Политического журнала». Заведующий отделом комплексных проблем развития науки Российского исследовательского института экономики, политики и права в сфере науки и техники.

Теоретик науки, социолог, политолог и публицист. Член Союза писателей России. Широко известен как автор работ об общественном сознании, истории СССР.

Занимается проблемами системного анализа, в частности, разрабатывает темы «Наука и кризис индустриальной цивилизации», «Россия – традиционное общество – советский проект».

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРУШЕНИЯ СВЯЩЕННОГО СИМВОЛА

Известно, что важнейшим для национального самосознания второй половины XX века в СССР был обобщенный символ Великой Отечественной войны. Подтачивание и разрушение этого символа в течение целого десятилетия 1990-х годов было почти официальной государственной программой. Не случайно в 1993 году в ходе проведенного в России опроса 40 % респондентов ответили, что «власть – не патриот своей Родины». Этот ответ распределен равномерно по всем социально-демографическим группам, но еще больше, нежели к власти государственной, это относится к четвертой власти – СМИ. Они и взяли на себя работу по разрушению символов.

В издательствах и на телевидении появился поток литературы и передач, релятивизирующих предательство, снимающих его абсолютный отрицательный смысл. До массового сознания недвусмысленно доносили простую, но от этого не менее подлую мысль – предательство относительно. Власовцы были, конечно, изменниками, но «заодно они боролись со сталинизмом». Почему нет, если та война была «столкновением двух мусорных ветров» (Е. Евтушенко)? Если «наше дело было неправое» (В. Гроссман)? Возник популярный жанр предательской литературы. Это не только книги Резуна (Суворова!), но и масса «научных» книг.

Известные и хорошо документированные события войны начинают излагаться российскими «историками» на основании архивов и мемуаров, западных (и даже немецких) материалов – часто без указания альтернативных отечественных сведений. Например, в российской прессе выступили два бывших моряка, участники конкретного боя 22 апреля 1945 года. Тогда поврежденная глубинными бомбами немецкая подводная лодка всплыла, но была почти в упор расстреляна залпами эсминца «Карл Либкнехт» (16 снарядов главного калибра и 39 из пушек-автоматов). Ветераны пишут, что это наблюдали более 50 моряков эсминца, занимавших по боевому расписанию свои места у орудий и зенитных автоматов, на торпедных аппаратах, на бомбометах, на постах наблюдения командирского мостика. Все это отражено в боевом вахтенном

журнале корабля, в боевых рапортах командира конвоя и командира корабля. После войны это было подтверждено и немецкими документами. Но в России в 1994 и 1997 годах вышли две книги: «Морская война в Заполярье 1941–1945 гг.» и «Ленд-лиз и северные конвои 1941–1945 гг.», где авторы утверждают, что ту лодку U-286 потопили английские фрегаты. Вроде бы мелочь, но таких мелочей тьма. В целом это большая и хорошо финансируемая программа вытеснения из коллективной исторической памяти русских образа Отечественной войны. Эта программа уже проведена на Западе, и можно только поражаться ее эффективности. В середине 90-х годов на Западе с большим успехом прошел суперфильм «Сталинград». Оставляет тяжелейшее чувство именно тот факт, что миллионы образованных и разумных людей смотрят и даже восторгаются, хотя, сделав усилие, могли бы

Бой в Сталинграде.
Осень 1942 года

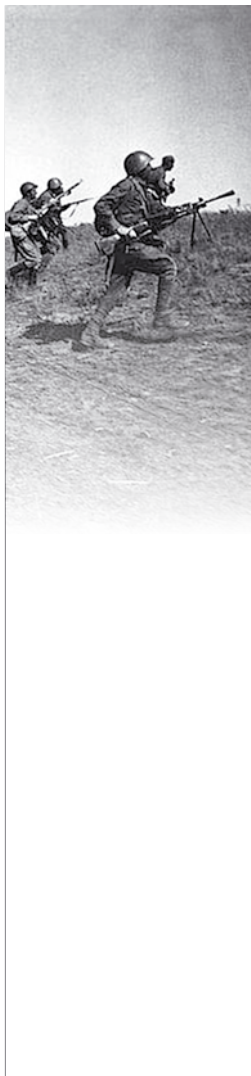
еще заметить и полную нелепость всего пафоса фильма: благородные немцы сражаются против каких-то зверушек русских и, в общем, выходят в Сталинграде победителями! Причем немцы, оказывается, антифашисты! Когда русские также утратят верный образ своей войны как важную часть «мира

символов», их устойчивость против манипуляции снизится еще на один уровень. Этот процесс, хотя и замедлился, но идет. Ведь еще недавно в России говорили о «профанации тоталитарного героизма», имея в виду «победителей в минувшей войне».

Перечень символов, которые были сознательно лишены святости (десакрализованы) в общественном сознании, обширен. Дело не ограничивалось теми, которые непосредственно связаны с политическим строем или вообще государственностью России (Сталин, затем Ленин и т.д. вплоть до Александра Невского и князя Владимира). Много мазков было сделано и по образам Пушкина, Шолохова, Суворова и т.д. Были деятели, которые даже пытались доказать, что Юрий Гагарин не летал в космос и весь его полет был мистификацией. Но особое место в этой кампании занимало разруше-

ние символических образов, которые вошли в национальный пантеон как мученики. Тут видна квалификация! Насколько точен выбор объектов для глумления, мне объяснили специалисты. Читал я лекцию в Бразилии перед обществом психологов. Тему они задали такую: «Технология разрушения образов в ходе перестройки». Я рассказывал факты, приводил выдержки из газет. А смысл слушатели понимали лучше меня. Особенно их заинтересовала кампания по дискредитации Зои Космодемьянской. Мне задали удивительно точные вопросы о том, кто была Зоя, какая у нее была семья, как она выглядела, в чем была суть ее подвига. А потом объяснили, почему именно ее образ надо было испоганить, – ведь имелось множество других героинь. А дело в том, что она была мученицей, не имевшей в момент смерти утешения от воинского успеха (как, скажем, Лиза Чайкина). И народное сознание, независимо от официальной пропаганды, именно ее выбрало и включило в пантеон святых мучеников. И ее образ, отделившись от реальной биографии, стал служить одной из опор самосознания нашего народа.

Те, кто глумился над образом Зои, стремились подрубить опору культуры и морали – разорвать всю ткань национального самосознания. А ткань эта – целостная система, строение которой нам неизвестно. И достаточно бывает выбить из нее один скрепляющий узел, как вся она может рассыпаться. Об этом говорил Конрад Лоренц еще в 1966 году в статье «Филогенетическая и культурная ритуализация»: «Молодой «либерал», достаточно поднатворивший в критическом научном мышлении, но обычно не знающий органических законов, которым подчиняются общие механизмы естественной жизни, и не подозревает о катастрофических последствиях, которые может вызвать произвольное изменение [культурных догм], даже если речь идет о внешне второстепенной детали. Этому молодому человеку никогда бы не пришло в голову выкинуть какую-либо часть технической системы – автомобиля или телевизора – только потому, что он не знает ее назначения. Но он запросто осуждает традиционные нормы поведения как предрассудок – нормы как действительно устаревшие, так и необходимые. Покуда сформировавшиеся филогенетически нормы социального пове-

дения укоренены в нашей наследственности и существуют, во зло ли или в добро, разрыв с традицией может привести к тому, что все культурные нормы социального поведения угаснут, как пламя свечи».

Родился и еще один миф о русском и советском народе как о затравленном. Но что у людей, которые утверждают подобное, с исторической памятью? Королев и Чкалов, Жуков и Василевский, Стаханов и Шолохов – порождение затравленного народа? Если так, то когда же русские были «затравленными»? Слышал я от одного военного, разведчика, а после войны известного ученого, что главное отличие советского и немецкого солдата на фронте было в следующем. Когда у немцев убивали офицера, это производило довольно длительное замешательство, что в скоротечном бою решало исход дела. Когда убивали офицера у наших, тут же поднимался сержант и кричал: «Я командир, слушай мою команду!» Убивали сержанта – поднимался с тем же криком рядовой. Большинство солдат обладали ответственностью, волей и готовностью быть командиром. Это значит, что народ именно не был затравленным. На войне нельзя без командиров, а они всегда – личности, их не заменить комиссиями, парламентами и партиями. Им надо подчиняться, даже если их приказы ошибочны, каждому важна победа, а не момент. В мирное время можно и подискутировать, поинакомыслить и даже слегка побунтовать. Тут нам, правда, чувства меры часто изменяет.

Широкая и планомерная программа проводилась и проводится с целью подрыва всего строя символов, связанных с Великой Отечественной войной. Образ этой войны – один из немногих сохранившихся центров сосредоточения связей общенациональной основы.

Вся система действий по разрушению этого сгустка этнических связей настолько широка и многообразна, что заслуживает даже не книги, а серии книг.

Надо подчеркнуть, что эта кампания ведется, несмотря на то что нынешняя российская власть прекрасно понимает значение образа Отечественной войны для поддержания сплоченности народа хотя бы на минимальном уровне.

Необходимо остановиться на акциях, которые били сразу по обоим пучкам связей –

по образу войны и по образу государства. Один из способов подрыва авторитета символов войны – пробуждение симпатий к тем, кто во время войны действовал на стороне гитлеровцев против СССР. В 90-е годы государственные институты приняли активное участие в этой кампании. Достаточно упомянуть реабилитацию группенфюрера СС фон Паннвица, который был осужден за свои преступления и казнен в 1947 году. Мало того, что его реабилитировали как невинную жертву политических репрессий, ему и его соратникам поставили «скромный памятник» в Москве. Уже после избрания президентом В.В. Путина пришлось принимать беспрецедентное постановление об «отмене реабилитации» (а памятник сносить не решились).

В 90-е годы возник жанр литературы, оправдывающей предательство. Чингиз Айтматов в своей книге «Тавро Кассандры» (1994) уже не считает войну Отечественной. Это «эпоха Сталингитлера или же, наоборот, Гитлерсталина», и это «их междоусобная война». В ней «сцепились не на жизнь, а на смерть две головы физиологически единого чудовища».

Во время перестройки публиковались не только «художественные» произведения, разрушающие образ войны, но и «документальные» фальшивки. Вот показательный случай, о котором рассказал видный историк из ФРГ М. Хеттлинг. В 1950 году в ФРГ вышла книжка «Последние письма из Сталинграда» с 39 письмами немецких солдат из окружения. Она стала бестселлером и была переведена на многие языки. Вскоре, однако, выяснилось, что все эти письма – фальсификация. Историк пишет: «Их поначалу оставшийся неизвестным автор, личность которого все же была установлена, – военный корреспондент Хайнц Шретер, находившийся в Сталинграде до середины января 1943 года. Весной того же года он получил задание министра пропаганды Геббельса подготовить работу, прославляющую доблесть германских войск в Сталинграде. Книга эта основывалась на собранных в Министерстве пропаганды материалах о битве на Волге. В нацистский период она не была опубликована, так как показала Геббельсу недостаточно героической». Разоблачение было громким, но эта фальшивка пошла в дело в информационной войне в годы пере-

стройки. В 1990 году журнал «Знамя» издал эту стряпню под заголовком «Последние письма немцев из Сталинграда».

Активно действовало и действует телевидение. Вот типичные примеры. На 9 мая 2003 года канал REN-TV назначил показ фильма «В тылу врага» (Финляндия, 1999) с такой рекламой: «Драма. Лето 1941 года. В Советской Карелии финские части ведут ожесточенные бои с Красной армией. Получив приказ освободить захваченные земли, взвод лейтенанта Ээро Перкола отправляется в тяжелый и опасный поход. После того, как отважный лейтенант получил известие, что его невеста, медсестра Каарина, погибла в бою с советскими партизанами, тайная вылазка отчаянных бойцов станет для юного офицера миссией отмщения за любимую».

Театр «Современник» к 60-летию юбилею Победы поставил подлую пьесу «Голая пионерка», которая сопровождает

Советские солдаты и офицеры у глобуса в кабинете Гитлера. Берлин, май 1945 года

лась не менее подлыми комментариями в прессе. Был снят целый ряд фильмов с заведомой ложью о войне («Штрафбат», «Полумгла», «Сволочи»). Ложь разоблачалась и военными специалистами, и непосредственными участниками событий, но эти разоблачения трибуны не получили.

Особый подход к деградации символов Отечественной войны – обвинение советского государства, а потом и вообще советских людей того времени в жестоким отношении к немцам. Публикация в специальных исторических журналах материалов, рисующих истинную картину, практически не могла нейтрализовать эту кампанию, для которой были предоставлены средства массовой информации. Не проникали к нам и документы из Германии, сборники воспоминаний военнопленных, в том числе такого авторитетного человека, как лауреат Нобелевской премии

антрополог Конрад Лоренц. Инициаторы этой шумихи знали истину, но она для них значения не имела.

Другая тема – доведенное до абсурда преувеличение потерь Красной армии с целью внушить обществу мысль о порочности советской государственной и хозяйственной системы, влиянии сталинских репрессий и бездарности военного командования. Возможности опровергнуть ложь или поправить ошибку были несравнимо меньше тех сил, которые занимались фальсификацией.

Почему же память об Отечественной войне и Победе стала таким важным объектом ударов в психологической войне? «Известный социолог» Л.Д. Гудков дает развернутое объяснение: «Она стягивает к себе все важнейшие линии интерпретаций настоящего, задает им масштаб оценок и риторические средства выражения... [Она дала] огромному числу людей свой язык «высоких коллективных чувств», язык лирической государственности, который намертво закрепился впоследствии, уже к середине 1970-х годов, и на котором только и могут сегодня говорить о войне большинство россиян».

Таким образом, если бы удалось вырвать из национального сознания память о Победе, то для народа России была бы уничтожена система «всех важнейших линий интерпретаций настоящего». Более того, была бы уничтожена система координат для оценки реальности, то есть была бы рассыпана мировоззренческая матрица народа. Он был бы лишен языка («риторических средств выражения»). Кроме того, народ был бы лишен и общих художественных и эмоциональных средств общения внутри себя и с государством – он утратил бы язык «высоких коллективных чувств» и язык «лирической государственности». Поразительно точно определил цели бомбометания социолог из ВЦИОМ (вот для чего команда Юрия Левады двадцать лет изучала наше национальное сознание). Разрушение главного символа национального сознания требуется, прежде всего, вовсе не из соображений безопасности Запада. Это – операция психологической войны, а не средство обороны. Мы имеем дело именно с агрессией, единственная цель которой – дальнейший демонтаж народа, разрыв соединяющих его связей.

Это понятие приложимо именно к войне, причем войне большой, когда буквально каждый гражданин (или подданный) вынужден определить для себя позицию в этой войне. Признать ее «отечественной», значит, во-первых, осознать свою воюющую страну именно своим отечеством (а не «мачехой», или «угнетательницей», или «тюрьмой народов»). Скрытые враги или изгои (отщепенцы) этой страны ее отечеством не считают, даже если «угораздило в ней родиться». Во-вторых, каждый быстро или натужно взвешивает все обиды, полученные от своего отечества. Он должен понять, идет ли он умирать за отечество по зову сердца или поневоле, чтобы избежать расстрела как дезертир. Уходя на Отечественную войну, человек «замораживает» свою память об обидах – хотя бы на время войны.

Сейчас многие «прогрессивные» деятели наперебой пытаются разделить мотивы тех, кто воевал: этот – за СССР, а этот – за Россию (с фигой в кармане). Думаю, это ерунда, изобретение перестройки. Перед лицом смерти такие вещи, как крепостное право или отсутствие многопартийности, человека не занимают, и образ Отечества теряет свои конъюнктурные черты. Память об Отечественной войне как «общем деле» держит народ и страну (даже поверх СНГ и Таможенного союза) и не дает добить нашу почти разделенную государственность и почти утраченную независимость.

Беларусь – это и есть «партизанский край», который станет плацдармом большого цивилизационного наступления. Здесь и по организационным причинам легче сохранить историческую память о Великой Победе в чистоте и боеготовности. Относительно больше людей ее хранят по сугубо личным причинам, а власть сильно ограничила возможности манипуляторов.

С ними, конечно, надо вести диалог, но нельзя же позволять им отравлять колодцы.

Сегодня мы видим, что наши культурные нормы не угасти, как пламя свечи. Мир символов не разрушен, и «реформации России» не произошло. Но травмы нанесены огромные, и общественное сознание надолго ослаблено, а в личном плане для многих эти десять лет были периодом тяжелых душевных пыток. ─